

Сергей Давидис перед заседанием по ликвидации Правозащитного центра «Мемориал» 23 ноября 2021 года / Фото: Anatr Ra

09.12.2021, 15:12 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Российская власть притворяется, что политзаключенных нет». Интервью с членом Совета правозащитного центра «Мемориал»

Более десяти лет Правозащитный центр (ПЦ) «Мемориал» ведет список политзаключенных. Именно ведение списка стало одной из публично озвученных претензий прокуратуры, которая добивается ликвидации «Мемориала». О том, зачем хотят закрыть «Мемориал», кто попадает в список политзаключенных и почему он важен, мы поговорили с Сергеем Давидисом, членом Совета ПЦ и руководителем программы

«Мемориала» «Поддержка политзаключенных».

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

— Информация о том, что «Мемориал» могут закрыть, появилась примерно летом этого года.

Приходили инсайдерские сообщения через пятые руки: что есть решение до конца года закрыть «Мемориал». Проверить сообщения было нельзя. Но общий вектор развития ситуации понятен. Как выяснилось, инсайдерская информация оказалась правильной, действовать решили самым простым путем. Сам факт требования закрыть **два совершенно разных «Мемориала»**, занимающихся совершенно разной деятельностью, сообщает нам, что дело не в том, что мы сделали что-то конкретное в 2021 году. Дело во внутренней динамике власти. Траектория репрессивности дошла до того уровня, что пора ликвидировать «Мемориал».

— Поводы для требований закрытия и ПЦ «Мемориал», и Международного Мемориала во многом базируются на жалобах УФСБ Ингушетии.

В основном, на основании этих жалоб в 2019–2020 годах были оштрафованы организации [«Мемориала» в разных регионах] и их руководители на более чем шесть миллионов рублей. Судебные решения вынесли из-за отсутствия маркировки «иноагентским» статусом некоторых страниц сайтов и аккаунтов в соцсетях.

[Видимо] УФСБ Ингушетии обиделось на нашу активность на Северном Кавказе.

Нельзя сказать, что эти жалобы были тогда поданы, чтобы сейчас нас закрыть. То, как все сейчас слеplено [в исках о ликвидации], демонстрирует, что была дана команда закрывать. Прокуроры в меру таланта, трудолюбия и способностей слепили свои требования из того, что было. У Международного Мемориала все упомянутые в заявлении о ликвидации нарушения законодательства сводятся к старым и давно исправленным недостаткам маркировки. И совсем смешно, что Международному Мемориалу вменяют его позицию по закону об «иноагентах»: [прокуратура] делает вывод, что негативное отношение к закону является теоретической базой того, чтобы не маркировать свои материалы [статусом «иноагента»]. К ПЦ «Мемориал» тоже предъявлены претензии по маркировке — старые, есть и чуть поновее, но тоже совершенно абсурдные. За все эпизоды штрафы заплачены, предъявленные требования выполнены.

Помимо немаркировки, к ПЦ есть одна содержательная претензия, связанная, в основном, с деятельностью нашей программы поддержки политзаключенных. Якобы мы нарушили шестую статью федерального конституционного закона «О судебной системе», которая гласит, что решения судов обязательны для исполнения всеми. Но отказаться от критики решений судов никакой закон не обязывает. Речь идет о заведомо неправильном толковании прокуратурой закона. Также они делают вывод, что в нашей деятельности есть признаки оправдания деятельности участников экстремистских и террористических организаций.

Такая словесная эквилибристика предполагает, что можно поменять порядок слов и прямо обвинить нас в оправдании терроризма, что уже считается

преступлением. Хотя это абсолютно не соответствует тому, что мы делаем: мы утверждаем, что мирная и не призывающая к насилию деятельность не может быть названа терроризмом и экстремизмом, именно это мы оспариваем. Классический пример — Свидетели Иеговы. Никто в мире, кроме российской власти, не считает их экстремистами.

— Вы досконально собирали информацию о всех фигурантах уголовного дела о столкновениях силовиков и протестовавших против обмена землями с Чечней в Магасе в 2019 году. Претензии УФСБ Ингушетии возникли после этого?

Вероятно, претензии связаны именно с этой историей.

— Характерно, что по ингушским событиям известно много подробностей и имена почти всех фигурантов уголовных дел. Похожими столкновениями во Владикавказе в 2020 году, когда местные жители протестовали против ковидных ограничений, вы не занимались, и мы знаем гораздо меньше об этих уголовных делах.

В Ингушетии у нас есть офис, нам там работать проще. В Ингушетии люди всего лишь требовали общественного контроля над важным для них вопросом. Нет сомнения, что ингушские власти должны были проконсультироваться с обществом в вопросе обмена земель с Чечней. Акции в Магасе были мирными, в отличие все-таки от ситуации во Владикавказе. Владикавказские события мы не изучали достаточно глубоко — в частности потому, что ситуация там гораздо менее бесспорная.

17 января 2018 года неизвестные люди подожгли ингушский офис «Мемориала» / Фото: Правозащитный Центр «Мемориал»

— Скольким участникам протестов в Ингушетии вы присвоили статус политических заключенных?

Только лидерам протеста и еще паре человек. Они долгое время находятся под стражей, им грозят длительные сроки лишения свободы по обвинению в организации экстремистского сообщества и организации насилия в отношении полицейских. Рядовым участникам протеста, слава Богу, дали небольшие сроки. В основном, их наказывали по отбытому: государство, как представляется, осознанно пришло к такой тактике в случае с ингушскими протестами, чтобы не создавать массовую базу недовольства. В то же время лидеров протеста намерены наказать жестче — чтобы обезглавить протестное движение.

В массовых делах в Ингушетии нужно анализировать каждый эпизод насилия над полицейскими: кто кого ударил, было ли это необходимой обороной и били ли полицейского вообще. Утверждать что-либо, не видя материалов дела, невозможно. Никто из тех, кто получил небольшие сроки, не согласился нам предоставить

материалы своих дел. Хотя в наиболее сомнительных ситуациях, а также там, где была перспектива длительного наказания, мы материалы уголовных дел просили.

— Как давно «Мемориал» ведет список политзаключенных и сколько в нем сейчас человек?

ПЦ «Мемориал» начал вести список примерно с 2009 года. Волонтерская группа, которая начала составлять такие списки несколько раньше, влилась в ПЦ «Мемориал» в качестве программы. [Само появление списка] было откликом на изменение ситуации и общественный запрос.

Сейчас в списке, в общей сложности, более 420 человек. Более 80 лишены свободы не в связи с религией. Остальные — осужденные по делам Свидетелей Иеговы, «Хизб ут-Тахрир» и других мусульманских объединений. В деле о теракте в питерском метро большинство фигурантов мы **признали политзаключенным**. За взрыв в метро виновными **назначили случайных мусульман-мигрантов**, вина которых не только не доказана, но зачастую опровергается материалами дела. Есть **абсолютно сфальсифицированное дело** о приготовлении к теракту в кинотеатре «Киргизия» [в Москве]. Преследования за веру стали достаточно рутинными, а вот в делах [с обвинениями в] настоящем терроризме, наоборот, разобраться очень сложно.

— Какому количеству людей, преследуемых из-за политических взглядов, удастся помочь?

В связи с судебными делами против «Мемориала» нашелся повод посчитать. За 12 лет около 1000 человек побывало в наших списках политзаключенных. Примерно 500 людям мы оказали юридическую помощь: предоставили адвоката, вели дела в ЕСПЧ. Сотням человек оказана гуманитарная помощь: например, мы оплачивали [родственникам] поездки на свидания в далеко

расположенные лагеря, где отбывали наказания осужденные политзаключенные.

28 марта 2018 года неизвестный напал на руководителя представительства Правозащитного центра «Мемориал» в Махачкале Сиражутдина Дациева / Фото: Екатерина Сокирянская

— Как попадают в список политзаключенных?

Иногда к нам обращаются родственники [обвиняемых и осужденных], иногда материалы дел запрашиваем мы [у родственников или адвокатов]. Потом изучаем материалы уголовных дел. Сам статус политзаключенного утверждает Совет Правозащитного центра «Мемориал».

По обвинениям в деятельности «нежелательных организаций» и «неоднократных нарушениях на митингах» обычно все ясно, изучать особо ничего не приходится, но в делах с обвинениями в хранении наркотиков и других

реальных преступлениях — там, где спор не о квалификации, а о фактах — это совсем не так.

— Какие, по версии «Мемориала», основные критерии признания политзаключенным?

Критерии приняты группой правозащитников стран Восточной Европы на основании резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы 2012 года. Упрощая, под понятие *политзаключенный* подпадают те, кого Amnesty International определяет как «узники совести» — люди, лишённые свободы за мирную реализацию своих прав либо в связи со своей групповой принадлежностью к религии, нации. Свидетели Иеговы — самый очевидный пример в России.

Остальные политзаключённые — те, кто по политическому мотиву власти лишены свободы с явными нарушениями закона, либо явно избирательно или неадекватно общественной опасности действий, в которых они обвиняются. Мы не считаем политзаключёнными тех, кто применял насилие против личности в ситуациях, отличных от крайней необходимости и необходимой обороны, также не считаем политзаключёнными тех, кто призывал к насилию по групповым признакам.

— Тема политзеков вынесена как отдельная претензия в иске к ПЦ «Мемориалу»: власть она явно раздражает. Почему?

Для того, чтобы разобраться, что [Алексей] Навальный, [Андрей] Пивоваров и ещё человек 20 политзаключённые — наша справка не нужна. Относительно менее известных людей, особенно обвиняемых в каком-то реальном преступлении — обороте оружия, наркотиков, приготовлении к теракту — без подробного изучения дела и экспертного мнения сложно понять, почему их преследуют. [Разобраться в этом] важно как для внутренней аудитории, так и для

внешней. О политических репрессиях в России и их масштабах мир в значительной мере судит по нашим спискам. Опираясь на них, свою точку зрения формируют Парламентская ассамблея Совета Европы, Европарламент, конгресс США. А российская власть притворяется, что политзаключенных нет, наши списки игнорирует.

— Кто может быть инициатором политического преследования в России? Это любой человек, наделенный властными полномочиями?

Политическое преследование никогда не осуществляет один человек. Всегда задействована государственная система. Уровень и природа заинтересованности могут быть разными: местного блогера-жалобщика может прессовать руководитель райсовета, Навального — лично Путин. А, например, Свидетеля Иеговы — никто конкретно, кроме капитана ЦПЭ, который таким образом закрывает отчетность по выявлению экстремистских преступлений. Но во всех случаях преследование осуществляется государством. Все равно можно говорить о репрессивной машине: о том, что разные государственные инстанции не отменяют, а соучаствуют в этих преследованиях.

— Есть ли политзаключенные в западных странах?

Само существование независимого суда и возможности влияния общества на власть через институт выборов существенно снижает эту проблему. [Тем не менее] там можно по каким-то критериям [утверждать о наличии] политзаключенных. Например, каталонских сепаратистов. Многие их считают политзаключенными, но это тонкий вопрос о праве наций на самоопределение и праве государства защищать свой суверенитет — этот вопрос нигде до конца не урегулирован. Но при этом в Испании вполне демократический суд, над ним есть ЕСПЧ, и Испания исполняет решения ЕСПЧ. Какие-то ошибки

могут быть в любых европейских странах — иначе ЕСПЧ было бы нечего исправлять.

Глава чеченского ПЦ «Мемориал» Оюб Титиев с плакатом в свою поддержку после освобождения из тюрьмы / Фото: Правозащитный Центр «Мемориал»

То же самое и в США: там есть мощная борьба между защитой интересов государства — которые считают необходимым защищать в значительной степени выбранные гражданами судьи — и правом на донесение до общества важной информации о нарушениях со стороны государства. Эти проблемы всюду поднимают правозащитные организации, гражданское общество, давят на власть, требуют помилований, и, в конце концов, помилования случаются. А в России пытаются запретить даже обсуждать проблему политзаключенных и спорить

с судебными актами. Такие проблемы в демократических странах имеют принципиально меньший масштаб, чем в недемократических — таких, как Россия и Беларусь.

— Были ситуации, что вы кого-то признавали политзеком, а потом отзывали статус?

Такой случай был только один, хотя подобная ситуация возможна. Решение о статусе политзека мы принимаем на основе тщательного изучения, но [только] тех обстоятельств, которые нам известны. Никогда не возможно быть уверенным на 100%. Если потом выяснятся обстоятельства, показывающие, что человек все же виновен в том, в чем его обвиняют, либо он сделает что-то еще, подпадающее под наши исключения — применит насилие... [то решение о статусе нужно будет пересматривать]. Такой случай у нас и был. Молодой человек был осужден за возбуждение ненависти к христианам — какие-то картинки репостил, — а потом попытался убить свою подругу. Его короткий срок за репост поглотился большим сроком за реальное преступление. Никакого смысла продолжать считать его политзаключенным не было. Но это экзотический случай.

— Власти единственный раз пытались вести диалог по теме политзаключенных с обществом, когда приняли список после митинга на Болотной площади в 2012 году?

Да, [в то время президенту] Дмитрию Медведеву относили такой список. Это был продукт рабочей группы, организовавшей митинги против фальсификаций на выборах в Госдуму. Сам список получился шире, чем наш, но из него помиловали только [Сергея Мохнаткина](#), причем за три месяца до окончания срока, что скорее было некоторым издевательством. Но тогда у власти хотя бы была готовность получить этот запрос. Проку из этого не вышло, но хотя бы был диалог. Все-таки был элемент

признания наличия проблемы. Сейчас власти утверждают, что никаких политзаключенных нет.

— Если ПЦ Мемориал» закроют, как дальше будет вестись работа с темой политзаключенных?

Вне сомнения, она будет вестись. Мы продумываем схемы и механизмы, о технической и административной стороне говорить рано. Но формы для продолжения работы найдем.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Преследование «Мемориалов»

В конце 2021 года суды постановили ликвидировать правозащитный центр «Мемориал» и «Международный Мемориал» по закону об «иностранных агентах». В 2023 году против сотрудников завели уголовные дела.

8 101

Ещё почитать

24.02.2026 Москва

Политик из Удмуртии, осужденный из-за высказываний о войне и Путине, больше

месяца держит голодовку

Преследование отрицателей распада СССР

159 новостей и текстов по теме